ЦЕНА 15 к. по подписке 10 к.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 2 коп.

VII 5838 als 146208 5/12 3-4, 6-12 (8) 73. 05(032) М75

Ежемесячное бесплатное приложение к газете „Коммунар".

ОБЛАСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА 1 АПР 1927

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 3. | Январь 1927 год | № 3.

РАБОТНИЦА

Искололи руки мне патроны
И с утра шальная голова,
А станок ничуточки не тронет —
Что ему? Давай, да подавай!
Разгорелась за окошком зорька
Под веселый заводской гудок.
Говор... Смех... А мне сегодня горько
И на сердце словно холодок.
И теперь нет никакой охоты
Протолкаться спешно в проходной:
Все ровно — за красные ворота
Выходить приходится одной.
И мой майский аленький платочек
Я сменяла на большую шаль.
А под нею — сердце так и точит,
Так и точит червячок — печаль.
Помню: май, гармоника над лесом,
Так свежо и звонко в лесу...
Был он первый на заводе слесарь,
Был он первый на балах плясун.
Он сыграл мне песню на баяне
И под песенный и майский гуд
Называл меня тихонько «Аленъ»,
(А в заводе «Анькою» зовут)...
Полюбил... Потешился и бросил...
На прощанье улыбнуться смог...
Так ромашку на степном покосе
Заметет в большой и душный стог.
Где же радость?..
Радость моя сгасла,
Колокольцем дальним отзвеня...
У меня — теперь ребенок в яслях,
На отца — обида у меня.
Кто-то жизнь, как часы заводит.
Ты о сыне промолчишь жене...
Был ты первый слесарь на заводе —
Будет сын твой — первый инженер.
Ах, у сына — губки, как малина,
Ах, у сына — чёрные глаза!
День короткий,
Вечер длинный, длинный...
Но об этом некому сказать...
Вечер звезды свечками расставит.
Опущу я шторку на окне.
И идет, бредет худая слава
У вострух соседок обо мне.
Загорятся, затрещат поленья,
Пом[illegible]
Улыбнется серьезно и Ленин
И плывут герани на окне.
Что-ж. Судите, мойте и корите
В закоулках душных вы меня.
Я любовь на грязное корыто
Не хочу и не могу менять.
Эта жизнь катится орешком.
Эта жизнь проходит налегке...
Все на свете можно перевешать
На заводском весовом станке!

Галина Краева.

Тульская областная библиотека им. В. И. Ленина

К ЧИТАТЕЛЮ: Разрежьте и последний лист вложите в середину первого—по порядку №№ страниц.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

В СНЕГАХ

Рассказ С. Дмитриева

I.

В прозрачную оранжевость неба вкован тонкий, золотой серп луны. На снежных полях стынет сине-розовый отблеск.

Снег под ногами лошади хрустит, как осколки стекла, под полозьями саней, то долгий, скучный скрип, то, как будто, птичий писк.

Рядом со мной сидит Евсей Домахин. На нем дубленая шуба, поверх шубы—длинношерстый тулуп. Темная борода Евсея сереет от мороза, мороз давно выжал из тулупа избяное тепло.

В селе, куда я еду, председательствует баба, Дарья.

Про нее то и рассказывает мне Евсей.

— Как выбрали ее, смеху што было... Трезвые все были, а в председатели, бац, бабу выбрали.

А дело то вышло не смешное.

Праздничным делом, выпить бы, да отдохнуть, ан, нет, смотришь, ни свет, ни заря, Дарья уж под окном: «мосты чинить».

Евсей усмехается в посеребренную морозом бороду:

— Ах, мать... Сколько годов ездили, ездили, не чинили и—ничего.

Один раз только Гришка Беспалов на Гниловодском мосту телегу сломал, да кобыла ногу переломила.

А Дарья—живо, мосты чинить. А там, смотришь,—за дровами для училища, а там пруд копать, а там еще што нибудь...

Хошь, не хошь—иди. Ах, ты... Евсей отрывисто кашляет и, кажется, будто кто то рубит топором мерзлое дерево.

Впереди, на звездно-зеленом небе вырастает из-под горы темная масса.

Слышен колючий скрип, голоса, фырканье лошадей.

Обоз с сеном.

Мы сторонимся. Наши сани сухо скребут по твердому сугробу. Медленно, тяжело покачиваясь, плывут мимо нас высокие, темные воза, покряхтывая, идут мужики в тулупах.

Проплыл последний воз и впереди слабо застеклился на повороте укатанный санями путь.

Евсей надвигает шапку на лоб и дергает вожжей:

— Н...но...но...

Я смотрю на тихие, снежные поля, на звездную пыль вдали.

— И давно у вас Дарья председательствует?—спрашиваю я у Евсея.

— Давно. Два года, вот. И скажу я тебе, мужика так не слушались, как ее... Можно сказать, в полном доверии баба. Толковая баба и много от нее бедняку пользы. В обиду не дает... Лавочник тут у нас, Платоныч, вдовый.

Ну, как принерло, это его, он туда-сюда, а ходу то никуды и нет. Он к Дарье. И зачал турусы на колесах разводить: чего, де, тебе бедствовать, в нужде жить, выходи за меня замуж, озолочу, будешь, как у Христа за пазухой.

Ну, не на такую бабу напал. Не прельстилась богачеством.

Крепкая баба. И линию свою гнет верно.

У меня невольно вырвалось:

— Ай, да, баба!

— Да, уж, баба, што говорить,—подтверждает Евсей.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мы спускаемся под горку, мелькают редкие, неяркие огни по пригорку, темнеют деревья, скрипит колодезный журавль, звонко гремит бадейка по обледенелому краю колодца.

Мы под'езжаем к низкой, оснеженной избе. На сугробе лежит желтый свет из окна.

Лошадь останавливается, фыркает и поворачивает голову к свету... Из ее ноздрей идет пар.

— Приехали,—говорит Евсей.

Дарью я представлял себе женщиной крепкого сложения, исполинского роста, а увидел я женщину худощавую, лет сорока, ничем особенным не отличавшуюся с виду от прочих деревенских баб.

Изба у нее старая, тесная, в три оконца. Оконца налиты густой темью.

Над столом тихо покачивается лампа, шевелятся на бревенчатой стене наши изломанные, уродливые тени.

На лавке, рядом со мной—Пашутка, Дарьин сын, мальчуган лет тринадцати, черноголовый, темноглазый—в мать.

Я от Евсея узнал, что муж у Дарьи в германскую войну пропал без вести и что не мало пришлось Дарье с парнишкой хлебнуть горя.

Недаром Дарья плохо видит вечером и у нее слезятся глаза.

Но ни разу, в разговоре со мной, Дарья не пожаловалась на свое прошлое житье-бытье, горячо толкует она о землеустройстве, о культработе, о кооперации, о школе.

— Школу то, вот, увидишь завтра, какую мы отстроили. На свои средства. Раскачались мужики, за разум берутся... Одно плохо—от вина никак не отстанут.

Давеча, перед твоим приездом, ходила я буяна одного усмирять. Мишка тут у нас Колгушин буянит все, жену бьет, старикам покоя не дает. Ох, уж это винище...

Дарья замолчала и повернула голову к двери

— Идет, кажись, кто то.

Это оказался Евсей и с ним рослый мужик в шапке-ушанке.

— Здорово живете.

Сели, закурили.

Рослый мужик попросил газетку—и подвинулся к столу.

Почитаем, чего нового пишут... А за дверью опять скрип половиц, кто то колотит нога об ногу, обивает снег.

Передом пролез в дверь старик, за ним две бабы. Старик стащил шапку с головы и стал похож на угодника—лысый и борода белая.

А бабы принесли новость. Говорили они сразу обе, перебивая одна другую.

— Сороки,—сказал старик,—говорила-б которая нибудь одна.

Говорить стала молодая баба, краснощекая, в желтой, широкой шубе, на голове у нее полушалок—полоса красная, полоса зеленая, полоса синяя.

Оказалось: Платоныч (бывший лавочник) опять напоил пьяными Арсюшку Мухина, да Игната Хомутова, да Степана Бычкова.

— А бабам ихним по полушалку подарил... Ха...а...рошие полушалки,—рассказывала баба. Показывала мне сейчас Марья то, Степанова... А Арсюшку то Ленька только-только домой привел...

— Вишь, какие дела,—посмотрела на меня Дарья.

Прошлый год он этих горлопаев подпаивал, и теперь опять... Больно охота ему, Платонычу, то, в кооператив втесаться...

— Мы ему втешем,—прошуршал газетой рослый мужик.

Дарья пригласила баб:

— Садитесь, бабы, чего-ж стоите,—садитесь, побеседуем.

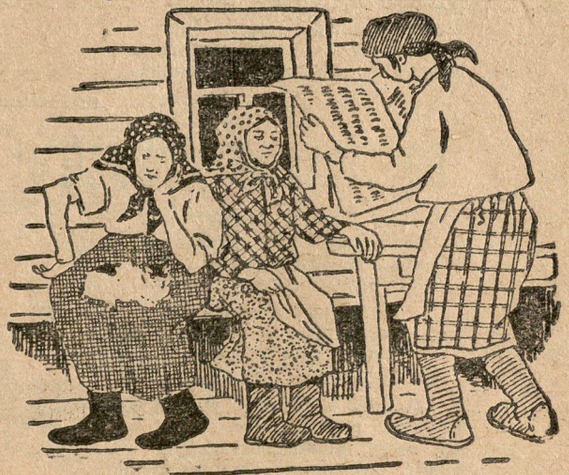
Мороз заковал утро в алую мглу.

Но вот она светлеет, золотится, широким потоком хлынуло солнце на снега.

Густые клубы дыма, розовея, ползут из труб.

Деревья, одетые инеем, пропадают верхушками в морозной мгле.

Мальчишки спозаранку кувыркаются с салазок на горе, звонким лаем заливается желтая собака, догоняя салазки с кучей весело кричащих ребят.

В ЧИТАЛЬНЕ

От колодца и к колодцу идут бабы и девки, мужики ведут поить лошадей.

Мы с Евсеем стоим на крыльце.

— Вишь, гляди, какую школу то мы поставили... Эна... Вишь, сарай пожарный... Вот, рыдия, вишь, на крыше то... Читальня-изба...

На дороге, из тумана, словно из мутно-розовой воды, показалась лошадь.

В легких санках сидит мужик в суконном тулупе.

— Ну,—воскликнул Евсей,—Платоныч покатил куда то... В город, должно, к зятю...

Евсей улыбается, сбирая лицо в мелкие, смешные морщинки, и кричит:

— Куда-ж это? Собранье, ведь, сегодня кооперативное... Ха-ха-ха...

Платоныч не оглядывается.

Он поднимает воротник тулупа и постегивает лошадь кнутом.

ПОЙТЕ ПЕСНИ!

Пойте песни с веселыми лицами,
Разве мы немые валуны.
В переливах грозы р в люции,
Тихий плеск и говоры волны.
Красят дни улыбки и приветы,
Взгляды девушек смягчают жесткость дней
Гармонист и весельчак отпетый
Самого веселья веселей.
Почему то мы всегда такие
Грусть... Тоска.. Но чуть попал к братве
Преподносит юная стихия
В брызгах смеха ясность и ответ.
Мы из тех, «кто в молодости молод»,
Мы из тех, кто в зелени цветист,
Мы из тех, кто в списках Губкоммола
Числится, как «старый активист».
Жизнь и так и этак кроет
И куски сшивает в рванобой.
Мы с умеем петь и строить
И братать веселие с борьбой.

Федор Гулявин.

ВЕЧЕР

Весь день крутился мокрый снег,
Пришел холодный, мутный вечер,
И, тускловато покраснев,
Зажег на перекрестках свечи.
Повис над городом туман;
Как мокрый бисер — мелкий дождик.
О растопленный тротуар
Слезливо хлопают подошвы.
Сердито горбятся дома,
Под дождь подставив острый хребет.
Не верится,
Что были — май
И солнце на весеннем небе.
Дождей расплескан полный жбан,
Водой напитан плотный воздух.
Бегут струи по желобам,
Невидны за туманом звезды.
Колючий дождь сильнее бьет
И злые шутки ветер шутит.
Скорей бы спрятаться в жилье
От этой непроглядной мути.
Стучит по стеклам дождь, звеня,
И не устало небо плакать.
Домой!
Так тихо у меня,
Так ярок свет мне после мрака.
Ноябрьский ветер за окном
Сердито дразнится и свищет
И с воем носится кругом,
Пытаясь влезть в мое жилище.
Но все-ж расслышать я могу
Иные звуки в этом гуле:
Ведь будет половодья гул
И солнце знойное в июле.
Так пусть же горбятся дома,
Пусть льется дождь и злится ветер,
Придет весна!
Душистый май
Придет в весеннем ярком свете.

Измаил Голубев.

ИЗ ЗИМНИХ СТИХОВ

Заковано утро в алый,
В тихий, морозный круг.
Осыпая в сугробы иней
Скачут птицы с сука на сук.

По окна оснежены избы,
Над трубами клубами дым.
Сквозь розово-мглистый полог
Мерещится небо голубым.

У крыльца на сугроб упала
Узорная, нежная тень.
Все шире потоки света —
Будет солнечный, звонкий день.

С. Дмитриев.

ЭПИГРАММЫ

Михаилу Зайцеву

Он брал трагические темы,
Но это-б не было бедой,
Когда бы он свои поэмы,
Так не накачивал водой.
Ну, а теперь уж быть беде:
Утонет Зайцев наш в воде.

Измаилу Голубеву

За что, ты, Голубев Измаил,
Своим стихом меня измаял?

Алексей Медведев.

Цена 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАМЕННЫЕ ВОЛНЫ

В кармане путевка. Поезд
Несет меня в синюю даль.
Из сердца беспокойство,
Гремя, выбивает сталь.
А вот и кубанские степи
Задумчиво мерно плывут,
Ласкает их тихий ветер,
Волнуя ковыльную грудь.
Вертятся поляны подсолнухов,
Зажженные желтым огнем,
И изредка, издалека крохотным
Мелькнет колокольня крестом.
Потом засосалися взоры
В копнистую дальнюю синь.
— Смотрите-ка горы, горы!
В окне голосок засквозил.
— Далеко?
— Зубцы-то, смотрите!
Вон там, где немного темно!
И каждому хочется влипнуть
Вплотную в окно.
А горы... Они все ближе!
Горбатеет вся земля!
Над ухом какой-то стриженный
Соседку мою удивлял:
— Вот эти плешинки—скалы
А эти кудрявки—лес!
Кажется, дотянешь палку,
А здесь—вышина до небес!
Вагоны змеятся в коленах.
Скалистый гудит корридор.
Надулся оранжевой пеной
На солнечных склонах бор.
Озера и дачи игриво
Всплывут, как весенние дни.
И вновь за угрюмые гривы
Спешат схорониться они.

***

Я в комнате. Настеж окна!
И солнце в каштанах, в окне
Прядет золотые волокна.
Играя на белой стене.

В узорах деревьев город...
Однажды у „Красных Камней"
С Диною мы познакомились
(Восточное имя у ней)
— Откуда, товарищ?
— Из Тулы
А вы?
— Астраханкой зовут.
И взоры ее утонули
В дали голубой.
— Взглянуть
Хотелось бы. Путь очень долгий
Ведь Тула граничит с Москвой?
— С Москвою. Но Астрахань с Волгой
Считаю я лучшей страной!
Она мне:

— В Союзе Советов
Все уголки дерев нь
Залиты малиновым светом,
Везде одинаковый день.
Один а одним перевалы
Застуженных каменных волн.
И с лице по скалам плескало
Багр вым горячим огнем.
А ниже над белыми арками
Заснули зеленым сном
Деревья. Дыхание п рка
Струит виноград ым вином.
С камнями Ольховка р ч а
В ущельях ведет разг вор,
И синий кавказский веч р
Ползет по уступам г р.

***

Забыл я тогда про север,
И дни золотые тогда
Бежали, как горные серны,
В горах неизвестно куда.

. . . . . .

И вот нам пришлось распро-
ститься...
Перрон Минеральных Вод...
Люди щебечут как птицы,
Готовясь в далекий отлет.
Снова по каменным волнам,
Густея, ползла синева...
Что я говорил—не помню
Но памятны Дины слова;
Как хорошо
Когда на столе у татар
Лежат астраханские сельди
И тульский кипит самовар?..

. . . . . .

Два поезда от Пятигорья
Ушли в предвечерний час.
Ее—на Каспийское море
А мой—на Ростов... Донбасс...

М. Кольцов.

С Дикою мы познакомились.

О ЛУЧШЕЙ ПЕСНЕ

Да, у каждого в сердце есть лучшая песня.
Только часто ту песню никто не поет.
Эта песня — всех песен нежней и чудесней,
Эта песня всегда с человеком живет.

Не дано без разбору всем быть скрипачами,
Расплываться в бурунах немолкнущих струн;
Лишь один раз, —
Поднявшись, блистая очами,
Человек тронет в сердце заветный бурун!..

Каждый знает 20-й — в цинге и метелях...
Помню я:
.. Полустанок, степная заря...
Рельсы—струны куда то далеко звенели.
А на станции
Провожали отряд.

Непривычно и быстро минуты по станции капали,
— Вот сейчас... Вот сейчас... Вот сейчас он уйдет!..
Провожали, — кричали, дрожали и плакали,
За вагоны цеплялись и лезли вперед...

Командир в сотый раз загорался словами:
— Что-ж... Прощайте!.. Мы едем... Деникин..,
Страну...
... Целовались, толкались, махали платками,
Кочегар из окошка глядел на жену.

И тогда —
Заиграла гармоника венская.
Дюжий парень старался, — что руки могли!
Разухабистая, деревенская
Понеслась по вагонам...

Колеса пошли...
О, двадцатого года кошмарная хроника!
Полустанок, зари затуманенный шелк...
Немудрено играли тогда на гармонике,
Немудрено, недолго,
Но хорошо...

... Да, у каждого в сердце есть лучшая песня.
Только часто ту песню никто не поет...
Эта песня — всех песен нежней и чудесней,
Эта песня всегда с человеком живет.

Иван Костин.

ОСЕНЬ БАГРЯНАЯ

День, как конь, торопливо ускачет,
Отзвенит по дороге листвой.
Ветер где-то смеется и плачет
В перекор тишине голубой.
Все по старому... Липы все те же,
Только новый пунцовый наряд.
Не по летнему — холодно нежит
Отцветающий в роще закат.

Ночь прозрачною звездною шалью
Накрывает пустые поля.
У дороги в осенней печали
Плачут золотом слез тополя.
Отзвенела гулянка в деревне,
У отлогих заснула гор.
На откосе столпились деревья
И прощальный ведут разговор.

Александр Лесной.

О ЗАБРОШЕННОМ ПАРОВОЗЕ

Где над кюветом
Навис откос—
В землю скелетом
Врос паровоз.

Ржавью стреножен,
Грустью одет...
Песню не сложит
О нем поэт.

То ли он видит
Родное депо,
Электро-нити
Над смятой трубой.

В облике новом
Себя узнает,
Мощным, готовым
В рельсовый лет

Край бесприветный,
Отцая даль....
Изредка ветер
К нему залетал.

То захохочет
В пустые глаза,
То застрекочет
На тормозах.

Этой порою
Вечеровой
Сдавленным воем
Гудит паровоз

То ли вздыхает
Он о былом,
О невозвратном
Разбеге своем.

Смолкнет чуть ветер,
С ним ворохи грез.
Лишь над кюветом
Подстынный откос.

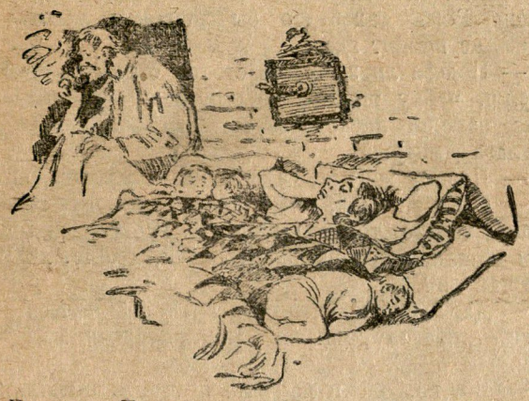
Ржавью стреножен,
Где лом и навоз,
Дремлет заброшенный
Паровоз.

В. Сухотин.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОЛУЧКА

Полночь. Тихо в избе Дмитрия Ковальчука, разве изредка, нарушая тишину ночи, заскребет в углу голодная мышь, в чаянии найти себе что либо из съестного; но, не найдя ничего, она умолкала.

Только бледно-серебристая луна с любопытством заглядывала через маленькое мутное окно, освещая собою убогую обстановку и силуэты спящих на полу домочадцев Дмитрия.

Вот там, возле печи, протянув длинные и сухие ноги, почти в длину всей комнаты, заломив за голову руки, спит Анна—жена Дмитрия; и рядом с ней, почти под ее боком, свернувшись калачиком,—их трехлетний сынишка. Далее, обняв друг друга ручонками, спят другие два мальчика, а на скамье, возле стола, в красном углу,—старшая дочь его—семилетняя Анюта.

Все спят. Только одному Дмитрию не спится. Не одну цигарку крепкой махорки выкурил он, не раз перевертывался он с одного бока на другой:—не спится.

Но он не сердится. Он даже, как будто, доволен бессонницей. На душе—какая то тихая, примиряющая дума.

«Вот, завтра получка,—мелькает в его голове,—да Церабкоп даст долгосрочный кредит. Осень подходит, сапог нет. Купи их из получки на чистые деньги,—останешься без картох; а там дрова нужны, ребятишкам штанишки, да и у самой не все в порядке: то того нет, то то другое истрепалось, а тут, как хорошо сложилось: и получка, и кредит отпускают. Правда, тяжеловато будет платить, но делать нечего...

— Мама, а мама,—послышался плачущий, полусонный голос ребенка.

— Ты чего?—окликнул его Дмитрий.

— Тятя, дай пить.

— Пить, эко пострелёнок, наелся за ужином селедки, а теперь пить,—проворчал Дмитрий, протягивая мальчику чайную чашку воды.

И снова все умолкло. Быстро бегут мысли в голове Дмитрия, спешат одна за одной, перегоняя друг друга. То ему вспомнится смешной рассказ с прибаутками Никифора-токаря, его соседа по станку; то почему то мелькнет зеленый заостренный нос покойника, которого пронесли вчера мимо него с музыкой, венками и алыми лентами.

— Дмитрий, а Дмитрий,—раздался громкий шепот Анны.

— Ну, чего?

— Не спишь?

— Не, а что нужно?

— Да что?.. Я завтра пойду с тобою?

— Это куды?

— В Церабкоп.

— В Церабкоп?—протянул Дмитрий, озабоченный таким предложением Анны.

— В Церабкоп, для чего?

— С получки то, как бы того... не наполбутылился бы.

— Во-на, эх, ты глупая, право глупая, неужели я дитя малое, учить то меня. А прошлый раз после получки наполбутылился?

— Не,—нерешительно отозвалась Анна.

— Не,—передразнил ее муж. А теперь чего боишься? Да и детей то с кем оставишь?

— С Пелагеей.

— Вишь ты, с Пелагеей, да Пелагея то сама шеста, когда ей доглядывать за чужими ребятами. Нет, ты лучше завтра пришли Анютку ко мне на завод: дам ей денег, а ты купи ребятам мяса, испеки лепешек, пусть едят.

Где покупка? Где шаровары?

Резко взвизгнул заводский гудок, об'являя рабочим, что трудовой день на сегодня закончен. Не прошло и пяти минут, как весь двор завода наполнился уходящими по домам рабочими.

Одни, более молодые, шутливо перекидывались острыми словечками друг с другом, другие сосредоточенно молчали, как бы что то обдумывая про себя.

— Ты теперь куда?—остановил Дмитрия один из рабочих.

— Пока что пойду в Цербкоп взять, по карточкам кое-что,—ответил Дмитрий, стараясь скорее отделаться от него.

— Так, а на счет того, с получки то? — щелкнул себя пальцем по горлу и лукаво подмигнул глазом сосед рабочий.

— Ну, брат, это после, как-нибудь.

— Заходи!—раздался голос рабочего уже за спиной Дмитрия.

— Ладно, зайду.

Вот и магазины Цербкопа. Долго изучал Дмитрий качество предлагаемых ему товаров; примерял, ощупывал и рассматривал их сквозь свет. Наконец, получив от приказчика узел с забранными им предметами, он облегченно вздохнул, выйдя из магазина.

Только дорогою, идя домой, Дмитрий почувствовал себя усталым и голодным.

Что-ж, разве зайти в «Артель» пообедать—мелькнуло в голове Дмитрия.—«А и в самом деле, почему бы нет»,—рассуждал он.

— Да,недурно бы, мысленно говорил он, глядя на витрины магазинов, в которых виднелись разноцветные бутылки наливок.

— Для крепости и аппетита не мешало бы «раздавить» половинку.

В столовой, пока ему подавали обеденный прибор, он, незаметно для официантов, быстро опорожнил купленную им в Госспирте полбутылку и, почувствовав себя бодрее, начал уничтожать обед.

Запищала гармошка, застонала гитара, и совсем стало весело на душе Дмитрия. Не успела еще сформироваться в его голове мысль о второй полбутылке, как он уже заказал ее услужливому половому.

— Что-ж, это хорошо,—подмигивая кому то глазами и широко улыбаясь, вслух думал он: —сам теперь обут, ребята одеты и бабы не забыл; картошек надо—картошек куплю, деньги то, вот они, нащупывая в карманах пачку засаленных кредиток урчал Дмитрий. Оно, конечно... долги...

— А, наше вам почтение, землячек,—прервал Дмитрия чей то голос, обращенный к нему. Али загордел, али не узнал, дружище?

— Как не узнать, знаю,—отвечал Дмитрий, и в то же время думал: где то он видел этого парня. Рожа как будто бы знакомая, а хоть убей, не помнит где.

— Нельзя ли за одним столом с тобою, товарищ, чайку попить, не помешаю?—продолжал парень, ласково и пытливо заглядывая в глаза Дмитрию.

— Почему же нет, садись, места хватит.

— С покуночкой, говоришь, как же, как же, знаю, вместе товар выбирали, вместе рядком стояли, а теперь вместе сидим, хе, хе, хе! Не так ли?

— Да, купил кое-что ребятам, и себе вот сапоги,—лепетал Дмитрий заплетающимся языком.

— Во, во, оно и хорошо, а теперь обмыть покупку то... эй, мальчик, дай ка половинку!

— Вишь, какой добряк,—думал Дмитрий,— сразу видно, душа человек... Что-ж половинку, так половинку, мы завсегда того... компании ломать не гоже...

3

— Будь благонадежен, Дмитрий Петрович, а мы, во, как тебе ублаготворим: через полчаса будешь дома, надейся. Вот, твоя покупка, на, держи ее и давай руку. Вот так, смелей в ногу; отлично, ай-да домой.

— Душа человек,—мычал Дмитрий,—ежеминутно спотыкаясь, и чуть не падая, идя рядом с новым знакомым.

— Выпили, значит, малость, закусили, оно и хорошо... а баба баит: на полбутылишься. Ни в жисть... нет, шалишь... мы завсегда в аккурате, выпили и шабаш...

— Здесь посидим и покурим, Митюха.

— Покурим, что же, это можно, а где мы?

— Где, али места не узнал? Вот тебе кремль, а насупротив нас с тобою завод, а мы, значит, на зеленом бережку. Садись-ка, брат, а коли хочешь, ляг, отдохни, вот так...

— Ох, ох, ох!—завывала Анна, стоя перед своей соседкой Пелагеей.—Горюшко мое, горе. Сегодня я рано-ранешенько слышу сквозь сон кто то стучит в окно. Я глядь, поглядь, а это мой, стоит, как окаянный, пусто ему будь, стоит, как есть, нагишем, одна рубаха рваная на плечах болтается. Я к нему: где покупка? Где шаровары? А он, как ввалился в хату, упал в угол, и тут же заснул и теперь дрыхнет.

— Ой, ой, ой, причитала баба, заливаясь слезами.

Н. Муравьев.

Редактор: Редакционная коллегия

Гублит № 363

40220